

УДК 343.1

DOI: 10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419

EDN: KXZUOZ

Оригинальная научная статья

Медиация как форма восстановительного правосудия

Л. С. Галенников *Адвокатская палата Омской области, Омск, Российская Федерация*

✉ 063lev@mail.ru

Ю. В. Деришев *Сибирский юридический университет, Омск, Российская Федерация*

✉ derishev.omsk@mail.ru

Аннотация. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена сложившимися проблемами института примирения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Вместе с тем отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации детального правового регулирования механизма примирения существенно снижает эффективность правоприменительной практики в направлении использования альтернатив уголовному преследованию. Вследствие чего появляется необходимость поиска новых эффективных способов разрешения уголовно-правовых споров, позволяющих обеспечить полное восстановление прав потерпевших от преступления. Одним из таких способов выступает процедура медиации, которая позволяет разрешать уголовно-правовые конфликты предельно конструктивно и взаимовыгодно для обеих сторон спора с участием независимой третьей стороны (медиатора). Данная процедура нашла отражение в концепции восстановительного правосудия. Цель исследования обусловлена потребностью в определении теоретических начал института примирения в уголовном судопроизводстве на основе историко-правового и компаративного анализа его процедур, также в выявлении проблемных вопросов, связанных с правоприменительной практикой. В связи с этим в предлагаемой статье рассматривается вполне устоявшийся механизм урегулирования уголовно-правовых конфликтов в западных правовых системах, который предусматривает участие специального субъекта примирения – медиатора, обладающего критериями профессионализма, независимости и беспристрастности. При этом обосновывается целесообразность введения института медиации в отечественное уголовное судопроизводство, а также предлагается ее функционально-правовая модель, предусматривающая круг преступлений с возможным примирением, стадии ее осуществления, а также требования к претендентам в медиаторы. В работе широко используется сравнительно-правовой метод, с помощью которого обнаружены предпосылки для урегулирования в российском уголовно-процессуальном законодательстве института медиации как самостоятельной формы разрешения уголовно-правовых конфликтов. В результате были сделаны следующие выводы. Целесообразно модернизировать положение ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где легально закрепить понятие процедуры медиации как «способ разрешения уголовно-правового конфликта, используемого при добровольном согласии пострадавшего и правонарушителя с помощью беспристрастной третьей стороны» и условия ее применения. Необходимо законодательно ввести нового беспристрастного и независимого участника уголовного процесса – медиатора, который будет выступать третьей стороной в процедуре медиации исключительно на профессиональной основе. Более того, Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» нужно корректировать в части распространения медиации на уголовно-правовые отношения, что позволит конфликтующим сторонам прибегнуть к данной процедуре. В частности, изменения в данном законе должны быть установлены применительно к требованиям профессионального медиатора, в том числе и в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: институт медиации, медиатор, урегулирование конфликта, восстановительное правосудие, примирение сторон

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Галенников Л. С., Дерисhev Ю. В. Медиация как форма восстановительного правосудия // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 3. С. 405–419. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419>. EDN: <https://elibrary.ru/kxzuoz>

Original scientific article

Mediation as a Form of Restorative Justice

L. S. Galennikov

Bar of Omsk Region, Omsk, Russian Federation

✉ 063lev@mail.ru

Yu. V. Derishev

Siberian Law University, Omsk, Russian Federation

✉ derishev.omsk@mail.ru

Abstract. The relevance of the proposed study is due to the existing problems of the institution of conciliation in the criminal proceedings of the Russian Federation. At the same time, no detailed legal regulation of the conciliation mechanism in the CPC of the Russian Federation significantly reduces the effectiveness of law enforcement through using alternatives to criminal prosecution. As a result, there is a need to find new effective ways to resolve criminal law disputes allowing for the full restoration of the rights of victims of crime. One of these methods is mediation procedure, which contributes to resolving criminal law conflicts in an extremely constructive and mutually beneficial way for both sides of the dispute with the help of an independent third party (mediator). This procedure is reflected in the concept of restorative justice. The purpose of the study is to determine the theoretical background of the institution of conciliation in criminal proceedings on the basis of a historical, legal and comparative analysis of its procedures, as well as to identify the issues related to law enforcement. In this regard, the proposed paper examines a well-established mechanism for the settlement of criminal law conflicts in western legal systems. This mechanism provides for a special subject of conciliation – a mediator possessing professionalism, independence and impartiality. The paper substantiates the reason of introducing the institution of mediation into domestic criminal proceedings, proposes its functional and legal model providing for a range of crimes with possible conciliation, the stages of its implementation, as well as requirements for mediators as candidates. The paper extensively uses comparative legal method helping to determine the prerequisites for introducing the institute of mediation in the Russian criminal procedure legislation as an independent form of resolution of criminal law conflicts. The Authors come to the following conclusions: It is advisable to update the provision of Article 25 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and codify the concept of mediation as “a way to resolve a criminal conflict used with the voluntary consent of the victim and the offender with the help of an impartial third party” and the conditions for its application. It is necessary to legislate a new impartial and independent party in criminal proceedings – a mediator who will act as a third party in the mediation, exclusively on a professional basis. Moreover, the Federal Law “On Alternative Dispute Settlement with the Help of Mediator (Mediation)” dated July 27, 2010 No. 193-FZ needs to be edited in terms of extending mediation to criminal law relations, which will allow conflicting parties to resort to this procedure. In particular, amendments to this law should concern the requirements of a professional mediator, including those involved in criminal proceedings.

Keywords: mediation institute, mediator, conflict resolution, restorative justice, conciliation of the parties

Conflict of interest. The Authors declare no conflict of interest.

For citation: Galennikov L. S., Derishev Yu. V. Mediation as a Form of Restorative Justice. *Siberian Law Review*. 2024;21(3):405-419. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-3-405-419>. EDN: <https://elibrary.ru/kxzuo2> (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Институт примирения в уголовном судопроизводстве претерпел множество видоизменений. Эволюционный характер согласительных процедур отличается тесной взаимосвязью с общей дифференциацией уголовно-процессуальной формы. С учетом констатации низкой эффективности реализации института примирения сторон, одним из основных направлений развития современного уголовно-правового законодательства стал поиск альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта. В частности, возрастает внимание к апробированным механизмам урегулирования уголовно-правовых споров в зарубежных правовых порядках, в частности к институту медиации и фигуре медиатора.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ МЕДИАЦИИ

В отечественном праве истоком соглашения между потерпевшим и виновным послужил частно-исковой характер древнерусского процесса, где уголовное дело начиналось исключительно по жалобе гражданина. Именно Псковская грамота 1397 г. регламентировала возможность примирения сторон до обращения в суд при условии возмещения вреда потерпевшему и просьбы о прощении.

В свою очередь Судебник 1550 г. аналогичным способом устанавливал возможность разрешения уголовно-правово-

го конфликта путем примирения сторон после обращения в суд¹.

Стоит отметить достаточно большой период с 1400 г. до судебной реформы 1864 г., который связан с развитием розыскного начала в уголовном судопроизводстве, где прослеживается противопоставление частного интереса потерпевшего от преступления интересу государственному.

Тем не менее судебная реформа 1864 г. предусмотрела расширение диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве, после чего дела частного обвинения возбуждались только вследствие жалобы потерпевшего и прекращались примирением. Факт примирения не был обусловлен исключительно самим возмещением вреда. Примирение влекло обязательную отмену судом наказания, которое было назначено виновному.

После революции 1917 г. в уголовно-процессуальном законодательстве молодого советского государства предусматривалась возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Так, ст. 4 Уголовно-процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1922 г. (далее – УПК РСФСР) устанавливала возможность прекращения дела, возбуждаемого не иначе как по жалобе потерпевшего за примирением сторон до вступления приговора в законную силу².

УПК РСФСР 1960 г. содержал компромиссные, в какой-то степени

¹ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1995. 352 с.

² Кувалдина В. Ю. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011. С. 41.

примирительные процедуры по досудебному прекращению уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Действительно, в ст.ст. 7–9 УПК РСФСР предполагается прекращение уголовного дела, когда преступное деяние и лицо, его совершившее, не являлись общественно опасными, а цель исправления могла быть достигнута без назначения наказания.

В ходе проведения судебно-правовой реформы в 1996 г. был принят новый Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), где введены новые виды прекращения дел по нереабилитирующим основаниям: в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим.

С принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) возникают изменения в институтах прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием. Соответственно, нормы предусматривают прекращение уголовного дела уже в связи с примирением сторон.

Вышеизложенные исторические периоды демонстрируют существование договорных отношений в различные эпохи развития отечественного уголовного судопроизводства.

СООТНОШЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ПРИМИРЕНИЯ, ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ И МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

При обращении к назначению уголовного судопроизводства можно отчетливо заметить приоритетное направление, которое выступает в качестве задачи по защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Назначение уголовного судопроизводства заключается не только в изобличении и наказании виновного лица в совершении преступления, но и в возмещении вреда потер-

певшему. Согласно ст. 52 Конституции Российской Федерации права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и *компенсацию причиненного ущерба*. Следовательно, государство делегирует обязанность принимать необходимые меры, направленные на восстановление прав потерпевшего органам суда и уголовного преследования.

Как известно, действующее традиционное правосудие носит *карательный характер*, где в качестве целедостижения рассматривается установление виновности обвиняемого и назначение ему наказания. Вполне очевидно, что этим не обеспечивается окончательное восстановление нарушенного права жертвы преступления. «Понимание этих проблем обратило общество к поиску альтернатив уголовного преследования в части усиления внимания законодателя к правам, свободам и интересам гражданина, сочетанию в уголовно-процессуальной деятельности интересов личности, общества и государства при определенной роли публично-правовой основы уголовного судопроизводства. Одной из таких альтернатив стало *восстановительное правосудие* – новый подход к разрешению конфликтов, направленный на восстановление справедливости и сбалансирование потребностей пострадавшего, преступника и общества» [1, с. 28].

Категория «восстановительное правосудие» является наиболее часто употребляемой, но также используются понятия «восстановительная юстиция», «реституционное правосудие», «репаративное правосудие», «неформальное правосудие», «неофициальное правосудие», «трансформативное правосудие» и др. [2, с. 164].

Как представляется, термин «восстановительное правосудие» впервые стал употреблять Альберт Эглэш, используя его при конструировании системы

справедливого правосудия, которую он видит в следующем составе: «1) “карательное правосудие”, основанное на наказании; 2) “распределительное правосудие”, включающее терапевтическое обращение с преступниками; 3) “восстановительное правосудие”, основанное на компенсации, поступающей от преступников к жертвам» [3, р. 21–22].

По мнению И. Айртсена, «концепция восстановительного правосудия основана на признании того, что преступление является нарушением в первую очередь интересов конкретного индивида (жертвы) и его социального окружения, а не государства как субъекта права» [4, с. 11].

Другой известный специалист по восстановительному правосудию Даниэль Ван Несс выделяет три ключевых вывода относительно восстановительного правосудия: «1) преступление – это, во-первых, конфликт между индивидами, в результате которого вред причиняется пострадавшим, обществу и самим правонарушителям, и, во вторых, – это нарушение закона; 2) важной целью уголовного процесса является примирение сторон, которое сопровождается возмещением вреда, причиненного преступлением; 3) уголовный процесс должен способствовать активному привлечению к нему потерпевших, правонарушителей и представителей сообщества»³.

В действительности «в рамках восстановительного правосудия потерпевшему и обвиняемому в качестве альтернативы уголовной ответственности и дальнейшему уголовному преследованию может быть предоставлена возможность примирения. В этом случае смысл примирения и его основание сводятся к тому, что преступник и жертва, пройдя через процедуру примирительных переговоров, достигают определенного соглашения. С одной стороны, лицо, совершившее

преступление, под влиянием тех или иных факторов (страх наказания, стыд за содеянное и т. п.), придя к выводу о противоправности своих действий, оценив вред, причиненный жертве, берет на себя обязательства возместить причиненный своими действиями вред и загладить страдания потерпевшему, с другой – потерпевший, прощая преступника, как бы соглашается на освобождение последнего от уголовной ответственности и прекращение производства по делу при условии реального выполнения лицом, совершившем преступление, принятых на себя обязательств» [5, с. 268]. Авторы Н. С. Пахолкин, И. В. Смолькова предлагают свою дефиницию примирения сторон, верно понимая под ним «совместную деятельность потерпевшего и обвиняемого по достижению приемлемого результата для обеих сторон в рамках уголовного дела, закрепленного в соглашении между ними, выраженного в возмещении вреда потерпевшему обвиняемым в обговоренной форме и в отказе потерпевшего от требования привлечь обвиняемого к уголовной ответственности» [6, с. 133].

Стоит констатировать, что в традиционном правосудии по преступлениям публичного обвинения интерес потерпевшего продолжает оставаться без необходимого внимания, поскольку данный вид уголовного преследования обязательно прекращению в связи с примирением сторон не подлежит. До сегодняшнего дня дискреционный характер института примирения законодателем так и не был переориентирован в сторону именно восстановительного характера правосудия. Содержание ст. 25 УПК РФ, где примирение возможно по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным впервые, если подозреваемый (обвиняемый) примирился с потерпевшим и загладил причиненный ему вред, не соответствует

³ Ван Несс Д. У. Мировой обзор восстановительного правосудия : доклад, представленный на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Бангкок, 2005. 17 с.

реалиям правоприменительной практики, а лишь формально служит основанием для освобождения от уголовной ответственности. Свидетельство некоего «усмотрения» судов для решения вопроса о прекращении уголовного дела вытекает из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения». Впервые судам разъяснено, что прекращение уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ, за примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) является правом, а не обязанностью суда. Данное решение олицетворяет правомочность участия государства в примирительных процедурах, определяя судьбу уголовно-правового конфликта.

Одним из институтов восстановительно-примирительного правосудия выступает *институт медиации*, которая действует в ряде западных правовых систем. Анализ законодательства зарубежных стран (США, Австрия, Германия, Франция, Италия, Швейцария и т. д.) позволяет сделать вывод, что здесь процедура медиации успешно развита как альтернативная форма уголовного преследования. Под *медиацией* (от лат. *mediatio* – посредничество, англ. *mediation*) в широком смысле следует понимать способ разрешения конфликта с помощью беспристрастной третьей стороны, когда решение принимается самими сторонами. С позиции Е. Е. Забуги медиация представляется более развернутым понятием, «которое обозначает форму разрешения конфликта и включает в себя следующие элементы: посредничество как средство, определяющее природу медиации; уголовно-правовой конфликт как необходимую предпосылку и предмет разрешения; процедуру (форму) как элемент, аккумулирующий порядок и условия медиации» [7, с. 82].

Свое нормативное распространение данная процедура получила в семидесятые годы XX столетия в США, где суд поощряет проведение медиации при согласии сторон и материалы дела передает медиатору. Посредником может выступать специально обученное и успешно сдавшее квалификационный экзамен лицо. Вместе с тем, сегодня в США отсутствует единый акт федерального уровня, регулирующий медиацию, такие нормы содержатся в законах на уровне штата, примерным проектом для которых выступает Единообразный акт о медиации [8, с. 29].

Во Франции медиация была введена Законом от 4 января 1993 г. (изменение в УПК), где инициатором примирительной процедуры является прокурор. При этом прокурор передает досье в «профильную» общественную организацию для проведения медиации. Соответственно, для данного государства характерна «делегированная медиация», где прокурор принимает окончательное решение по уголовному делу после возвращения к нему материалов из общественной организации, которой он делегировал примирительные полномочия.

Чуть позже появлению медиации в Бельгии способствовало принятие Закона от 10 февраля 1994 г. (изменение в УПК РФ), где центральным и непосредственным субъектом примирительных процедур также выступает прокурор. Особенностью бельгийской модели медиации является введение специальных должностей в органах прокуратуры для осуществления примирительных процедур [9, с. 11].

Надо признать, что широкая распространенность медиации в уголовном процессе зарубежных стран обуславливается рядом ее преимуществ, таких как: гибкость, оперативность, экономичность, возможность нахождения взаимовыгодного решения, наличие антикоррупционного и профилактического потенциала [10, с. 232].

Как следует из Пояснительной записки к Рекомендации № R (99) 19, принятой Комитетом Совета Европы 15 сентября 1999 г., о медиации к уголовным делам обобщается накопленный опыт применения медиативных процедур в зарубежных странах: «Разумеется, в рамках системы уголовной юстиции всегда практиковались договоренности. Но путем организации программ медиации конфликты можно разрешать с большим учетом интересов сторон и местного общества, более полно и конструктивно, нежели с помощью традиционных судебных процедур. Похоже идея набирает силу потому, что она не знает идеологических и философских границ. Идея посредничества объединяет всех, кто хочет преобразовывать известные формы разрешения конфликтов, стремится укрепить позиции пострадавших, ищет альтернативы наказанию, хочет уменьшить расходы на содержание системы уголовной юстиции и ее загруженность, сделать ее более совершенной»⁴.

Далее в данном документе отмечается, что медиацию необходимо рассматривать как дополнение к «традиционному» уголовному процессу или в качестве альтернативы к нему. Существенным отличием медиации от «традиционного» уголовного судопроизводства является смена главных действующих лиц процесса. Если таковыми для «традиционного» уголовного процесса выступает государство и правонарушитель, то в рамках медиации на первом плане в качестве сторон в уголовном деле выступают пострадавший и правонарушитель.

В Российской Федерации институт медиации законодательно закреплён

в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации), но применительно лишь к гражданскому, арбитражному и административному судопроизводствам⁵.

По наблюдению Л. В. Яковлевой, отсутствие связи между уголовно-правовыми отношениями и Законом о медиации объясняется следующим: «По-видимому, законодатель не рискнул ввести медиацию по всем видам судопроизводств сразу, а решил поэкспериментировать сначала только в рамках судебной медиации по гражданским делам. В то же время вопрос об актуальности введения такой формы по уголовным делам задавался уже в начале второго тысячелетия...» [11, с. 100].

Вместе с тем введение института медиации в уголовно-правовое пространство Российской Федерации как одного из механизмов альтернативного разрешения конфликтов позволит субъектам права разрешать их наиболее приемлемым для сторон способом. Так, А. А. Курилко и М. М. Андреева справедливо обозначают давно назревшую готовность отечественного законодательства для применения медиации к уголовным делам: «История развития примирительных процедур в России показывает, что необходимый исторический опыт для внедрения альтернативных способов разрешения споров в отечественном праве имеется, однако по сравнению с зарубежными странами в России процедуры примирения внедряются и реализуются относительно редко. На развитие медиации в России влияют следующие факторы:

⁴ Пояснительная записка // Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров государствам – членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах : принята Комитетом министров Совета Европы 15 сент. 1999 г. на 679-й встрече представителей Комитета. URL: <https://mediation-eurasia.pro/wp-content/uploads/2018/04/rekomendacii-r-99-19-komiteta-ministrov-soveta-evropy-posvjashhennaja-mediicii-po-ugolovnym-delam.pdf> (дата обращения: 14.09.2023).

⁵ Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

исторические условия, географические условия, политические условия, экономические условия» [12, с. 102].

Необходимо отметить, что медиатор отвечает за процесс, а не за результаты производства. Более того, посредник не выступает в качестве консультанта по юридическим вопросам. Идея медиации заключается в том, что противоборствующие стороны, имеющие совершенно различные интересы в разрешении конфликта, помогают друг другу выйти из него с наименьшими потерями. Стоит согласиться с мнением А. П. Гуськовой и Д. В. Маткиной, которые определяют медиацию, как «процесс совместного решения проблемы участниками конфликта, шансы которого на успех высоки в силу особых процессуальных условий и профессиональной помощи медиатора в осуществлении взаимодействия сторон на пути к урегулированию спора; внесудебное урегулирование споров между субъектами при участии незаинтересованной стороны» [13, с. 35].

Справедливости ради необходимо признать, что отношение к введению медиации в отечественный уголовный процесс далеко не однозначное. Так, А. В. Смирнов не видит правовых перспектив в развитии медиации: «В самом деле, любое преступление (начиная с особо тяжких и кончая преступлениями небольшой тяжести, уголовными проступками) общественно опасно, причем именно потому, что существенно затрагивает не только личные, но и публичные интересы. Это позволяет нам прийти к весьма важному выводу о том, дискурсивный судебный процесс, который был бы лишен мощной состязательной подсистемы и заменил ее структурой, основанной исключительно на коммуникативном типе действия (в данном случае – согласительными медиационными процедурами и т. д.), в обозримом будущем вряд ли практически возможен» [14, с. 305].

В свою очередь М. Е. Семеняко положительно оценивает появление медиации: «Игнорирование конституционно-правовой сущности и высокого статуса процедур альтернативного разрешения споров обуславливает многочисленные трудности при их практической реализации. В частности, в юридической литературе и правоприменительной практике доминирует представление о примирении сторон как о факультативной, второстепенной процедуре, реализуемой нередко с формальных позиций. Повышение эффективности механизма обеспечения прав и свобод человека не может иметь место при использовании исключительно императивных методов; здесь необходимо создание условий для реализации механизмов саморегуляции» [15, с. 12].

Следует признать, что базовые предпосылки применения медиации уже закреплены в современном российском уголовном и уголовно-процессуальном праве (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ). Вместе с тем в данных нормах процедура примирения сторон не регламентирована: установлены только ее основания и условия, при которых дело может быть прекращено. По своей правовой природе институт примирения составляет аналог медиативной деятельности зарубежных стран, поскольку охвачены одной целью – урегулировать уголовно-правовой конфликт, что впоследствии служит основанием для прекращения производства по делу. Тем не менее, рассматривая проблему внедрения медиации в уголовное судопроизводство, А. В. Савченко, О. В. Уренева приходят к выводу: «Институт примирения сам по себе не является медиацией в отечественном уголовном процессе, при определенной схожести с ним, но анализ правоприменительной практики показывает острую необходимость введения в наше законодательство медиации в уголовное судопроизводство» [16, с. 132].

ПОИСК ПЕРСПЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ МЕДИАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Для проведения процедуры медиации в российском уголовно-процессуальном законодательстве необходима соответствующая реформа действующих примирительных процедур. Концепция внедрения данного института должна основываться на действующем Законе о медиации, с введением медиатора в УПК РФ как новой фигуры данного судопроизводства. Подобный подход для данного нововведения поддерживает С. А. Пашин, который отмечает, что «для распространения данного Федерального закона на иные правоотношения, к которым можно отнести отношения, связанные с процедурой примирения сторон в уголовном судопроизводстве, должно быть специальное указание об этом в соответствующих законах»⁶. Таким образом, действующая сейчас примирительная процедура должна трансформироваться в институт медиации. Именно легальное упоминание термина «медиация» как «способа разрешения уголовно-правового конфликта, используемого при добровольном согласии пострадавшего и правонарушителя с помощью беспристрастной третьей стороны» в положении ст. 25 УПК РФ позволит сторонам значительно активнее прибегать к данной правовой норме. Медиация имеет смысл лишь в том случае, если нормы права предусматривают само примирение как основание для отказа государства от традиционного уголовного преследования.

Очень важно определить этап уголовного судопроизводства, когда наиболее эффективна медиация. Так, А. А. Арутюнян выделяет две модели медиации в зависимости от стадии уголовного процесса

реализации примирительных процедур: до возбуждения уголовного дела и после возбуждения уголовного дела. Первая предложенная модель урегулирования конфликта предполагает отказ органов уголовной юстиции от возбуждения уголовного преследования. Вторая модель медиации представляется как примирение сторон до вынесения решения суда [17].

Как представляется, следует обратиться ко второй модели медиации, так как использование примирительных процедур до возбуждения уголовного дела (принцип целесообразности) противоречит ст. 21 УПК РФ, где органы юстиции обязаны в каждом случае обнаружения признаков преступления осуществлять уголовное преследование по делам частного-публичного и публичного обвинения (принципа законности). Кроме того, способы альтернативного урегулирования конфликта должны применяться в том случае, когда явствует фактическая мотивация, выражающаяся в прекращении уголовного дела. С одной стороны, примирение сторон является реабилитирующим основанием для прекращения уголовного дела, где надлежит убедиться в обоснованности подозрения (т. е. установить и проверить данные, явившиеся основанием для задержания, избрание меры пресечения, уведомлении о подозрении и т. д.) и установить категорию деяния, которая предусмотрена в законе для примирения. С другой стороны, после возбуждения уголовного дела примирение доступно на каждой стадии судопроизводства до вынесения судом приговора. В результате у сторон будет достаточно времени для вступления в медиативные процедуры.

Немаловажным также является вопрос о категории дел, в отношении которых может быть применен институт медиации.

⁶ Пашин А. С. Экспертное заключение на Ф3-193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегии развития : сб. материалов / сост. А. Ю. Коновалов. М. : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. С. 74.

По аналогии с категорией преступлений, установленной в ст. 25 УПК РФ, будет обоснованным распространить медиативные процедуры на деяния небольшой и средней тяжести. Более точно Е. С. Галыгина раскрывает плюсы использования медиации применительно к отдельным категориям преступлений, утверждая, что «медиация зарекомендовала себя в качестве средства борьбы с негативными последствиями карательного характера системы уголовного правосудия. Медиация способствует и судебной разгрузке, что позволяет судам сосредоточить свое внимание на разрешении уголовных дел тяжкого и особо тяжкого характера, где положения восстановительного подхода теряют силы» [18, с. 82].

Отдельного внимания, безусловно, заслуживает вопрос об определении круга лиц, выступающих в качестве медиатора – беспристрастной и независимой третьей стороны. Проведенное исследование в полной мере свидетельствует, что в мировой практике медиативных процедур в качестве посредника выступают лица, занимающие (занимавшие) должности судей, прокуроров, адвокатов и иных лиц, причастных к юриспруденции.

Эти «традиции» оказали влияние и на выбор медиатора в науке отечественного уголовного процесса. Так, Т. В. Худойкина и А. Д. Ситкина увидели посреднический потенциал в институте *судебных примирителей* (судей в отставке) отмечая, что их особый статус «вероятно, наиболее положительно повлияет на эффективность применения института судебного примирения, так как судьи в отставке – безусловные профессионалы с внушительным опытом, который они могут использовать при разрешении споров, имеют высшее юридическое образование, а значит – высокий уровень владения нормативной базой» [19, с. 192]. Вовлечение института

судебного примирения в уголовное судопроизводство позволит судьям в отставке прогнозировать положительный результат дела посредством нового отражения профессионального навыка. Вместе с тем и судья в отставке остается судьей, перед которым много лет стояла задача разрешить правовой спор от имени и по поручению государства. Есть опасение, что данный статус и многолетнее целеполагание не позволит данным лицам оставаться независимыми при реализации примирительных процедур.

Представляется, что подобные сомнения сохраняются и при выборе на это место лица, занимающего прокурорскую должность, хотя подобная практика – одна из самых распространенных в примирительном правосудии. Так, В. Е. Градский придает особое значение участию в примирительных процедурах *прокурора*, отмечая, что «для применения нерезабилитирующих оснований прекращения уголовного производства, видится перспективным закрепление в УПК РФ роли прокурора как базовой фигуры, реализующей новые формы альтернативного преследования, в том числе медиации, так как прокурор в минимальной степени руководствуется в своей деятельности ведомственными интересами и обеспечивает законные интересы иных участников уголовного судопроизводства» [20, с. 31]. Применительно к уголовному судопроизводству несовершеннолетних видит среди медиаторов фигуру прокурора и Е. Е. Забуга, который определяет данный вид медиации как проводимую прокурором примирительную процедуру «по уголовным делам несовершеннолетних о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных впервые, по итогам которой при утверждении прокурором медиационного соглашения уголовное дело подлежит прекращению»⁷.

⁷ Забуга Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 13.

Вместе с тем, несмотря на достаточно популярную французскую и бельгийскую модель медиации по уголовным делам, где именно прокурор выполняет главенствующую роль в примирительных процедурах, правовые условия для интеграции прообраза медиатора-прокурора в отечественную доктрину, как представляется, неубедительны. Основное противоречие здесь – это позиция прокурора на стороне обвинения, что вызывает недоверие общества в его беспристрастности и независимости как третьего лица в принятии итогового решения вопреки своей предметной функции. Кроме того, с принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ⁸ значительно сократились процессуальные возможности прокурора, что практически лишает его права инициировать процедуру медиации.

Есть предложения использовать в должности медиатора более независимого от государственной воли субъекта – адвоката. Например, А. М. Понасюк в своей работе положительно определяет участие адвоката в качестве медиатора: «Одним из возможных вариантов является выполнение роли медиатора адвокатом, отвечающим приведенным требованиям. При этом учитывая наличие у адвоката, как у субъекта оказания квалифицированной юридической помощи, профессиональных юридических знаний и опыта работы в условиях уголовно-правовых конфликтов, приглашение в качестве медиатора адвоката следует признать особенно полезным» [21, с. 28]. Равным образом Е. Ф. Лукьянчикова, Д. М. Криволапов не ограничивают адвоката в реализации медиативных процедур: «Адвокат может не только участвовать в процедуре медиации на стороне одного из спорящих сторон, но и предупредить судебное раз-

бирательство. В западных странах в последние годы прослеживается тенденция участия адвокатов в роли медиаторов. Поэтому роль адвоката в процессе медиации заключается в возможности проконсультировать свою сторону о правовой сути конфликта, представление доверителю полной информации о его правовых последствиях, которые могут возникнуть в случае обращения к судопроизводству, выявить коллизии спора, а также помочь в формулировании содержания медиативного соглашения» [22, с. 143].

Вместе с тем имеются и существенные препятствия для этого решения. Так, Т. А. Калентьева обращает внимание на негативное воздействие профессионального стажа работы в качестве адвоката для проведения им медиативных процедур: «Имея за плечами двадцатилетний стаж работы адвокатом, достаточно тяжело перестроиться на вышеописанную процедуру. Особенно в тех ситуациях, когда одна из сторон имеет явные правовые преимущества и может совершенно спокойно обратиться в суд, и суд вынесет решение в пользу этой стороны. Но, задача медиации не в решении спора на основе права, ее задача в сохранении отношений между конфликтующими сторонами» [23, с. 72]. Проблема наделения адвоката функцией медиатора справедливо обозначена автором. В соответствии с ч. 1 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, данное лицо не вправе действовать вопреки законным интересам доверителя, оказывать ему юридическую помощь, руководствуясь соображениями собственной выгоды, безнравственными интересами или находясь под воздействием давления извне. Указанное правило обязывает адвоката оказывать юридическую помощь исключительно в пределах позиции доверителя (подзащитного), иначе

⁸ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

говоря, в интересах одного лица. Поэтому исполнение адвокатом процедуры медиации, где необходимо учитывать интересы обеих конфликтующих сторон, возлагает несвойственную психологическую нагрузку на данного субъекта.

В связи с этим и с учетом требований независимости и беспристрастности медиатора, представляется, что наиболее непредубежденной и, соответственно, эффективной фигурой проведения медиативных процедур в уголовном судопроизводстве выступает *профессиональный медиатор*, требования к которому указаны в п. 1 ст. 16 Закона о медиации. Согласно данной норме деятельность медиаторов на профессиональной основе могут осуществлять лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации. Представляется, что действующие общие требования вполне применимы и к медиатору в уголовном судопроизводстве [24, с. 50]. Введение в уголовное судопроизводство медиатора именно как независимого от позиций сторон лица позволит дать дополнительные гарантии соблюдения принципов уголовного судопроизводства в примирительном правосудии.

Безусловно, разработка критериев для профессионального медиатора в уголовном судопроизводстве требует особого внимания. Так, есть мнение, что «возраст не является значимым фактором для возможности осуществления деятельности медиатора на профессиональной основе. Возраст не определяет существенно и содержательно профессионального медиатора, не является показателем его опыта и квалификации и не имеет качественного значения для формирования необходимых компетенций и характеристик медиации» [25, с. 116].

Обязывая профессионального медиатора иметь высшее образование закон

не уточняет, что оно должно быть *юридическим*. Но вполне очевидно, что только юридически грамотный медиатор сможет на высоком уровне разрешить конфликт, в отличие от лиц, имеющих образование, не связанное с юриспруденцией [26, с. 246].

Кроме того, для создания детализированной системы требований к претендентам в медиаторы необходимо учесть также положительный опыт отдельных североамериканских штатов (Огайо, Северная Каролина и др.), где кандидату требуется пройти соответствующее обучение и сдать квалификационный экзамен.

Вышеуказанный комплекс требований будет направлен на полное соответствие претендента принципам процедуры медиации. Благодаря профессионализму и беспристрастности профессионального посредника, конфликтующие стороны смогут открыто вести диалог, раскрывая необходимые сведения для будущего примирения. При этом «следует помнить, что задача медиатора стоит отнюдь не в том, чтобы освободить лицо от наказания или определить его меру ответственности в юридическом смысле. Ключевым здесь является принцип независимости и беспристрастности и медиатор при разрешении конфликта не выполняет функции судьи, адвоката, следователя или прокурора. Ответственность за конкретный результат медиации несут стороны уголовно-правового конфликта, участвующие в процедуре медиации. Медиатор не разрешает уголовное дело по существу и не является представителем органов уголовного преследования и суда, выполняет самостоятельную процессуальную функцию, в связи с чем, в законодательстве в дальнейшем следует предусмотреть в разделе II УПК РФ “Участники уголовного судопроизводства” такого участника уголовного процесса как медиатор, определив его понятие и процессуальный статус» [27, с.108].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование историко-правовой природы медиации как основного института восстановительного примирительного правосудия позволяет констатировать, что процессуальные предпосылки введения данного института в уголовное судопроизводство следует связывать с мо-

дификацией положений ст. 25 УПК РФ и формированием беспристрастной третьей стороны (медиатора). Развитие института медиации как альтернативы традиционному уголовному преследованию станет реальным оплотом реализации требований ст. 52 Конституции Российской Федерации о гарантиях прав жертв преступлений.

Список литературы

1. Нестор Н. В. Понятие, принципы и формы восстановительного правосудия // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. Вып. 4 (18). С. 28–32.
2. Галимова М. А., Астахова А. О содержании института восстановительного правосудия // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXV междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Красноярск, 2022. Ч. 1. С. 164–167.
3. Van Ness D. W., Heetderks Strong K. Restoring Justice: An Introduction to Restorative Justice. 4th ed. New Province : N. Y. : Matthew Bender & Co., Inc, 2010. 259 p.
4. Айртсен И. Реконструкция связей в сообществе – медиация и восстановительное правосудие в Европе. Киев : Захаренко, 2008. 183 с.
5. Конин В. В. Медиация в целерантном уголовном судопроизводстве // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3-1 (37). С. 268–270.
6. Пахолкин Н. С., Смолькова И. В. Понятие восстановительного правосудия в уголовном судопроизводстве // Известия Байкальского государственного университета. 2012. № 3. С. 131–135.
7. Забуга Е. Е. Наднациональное регулирование медиации в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 80–84.
8. Носырева Е. И. Альтернативное разрешение споров в США. М. : Городец, 2005. 320 с.
9. Головкин Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. 2003. Вып. 5. С. 11–12.
10. Чепрасова Ю. В., Шатурина Н. А. Проблемы и перспективы внедрения процедуры медиации в уголовное судопроизводство (на примере Липецкой области) // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 231–235.
11. Яковлева Л. В., Яковлев В. В. Возможности применения медиации по уголовным делам // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2018. № 4 (48). С. 97–101.
12. Курилко А. А., Андреева М. М. Актуальные проблемы примирения сторон в уголовном праве // Актуальные проблемы права: сб. ст. Псков : Псковск. гос. ун-т, 2020. С. 100–110.
13. Маткина Д. В., Гуськова А. П. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. 2009. № 2. С. 34–37.
14. Смирнов А. В. Состязательный процесс : моногр. СПб. : Альфа, 2001. 320 с.
15. Семеняко М. Е. К вопросу об актуальности процедур альтернативного разрешения споров в суде // Российский судья. 2009. № 7. С. 24–27.
16. Савченко А. Н., Уренева О. В. Медиация в уголовном процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 25 (380). С. 131–135.
17. Арутюнян А. А. Медиация в уголовном процессе. М. : Инфотропик Медиа, 2013. 200 с.
18. Галыгина Е. С. К вопросу о возможности применения института медиации в уголовном судопроизводстве России // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2020. № 18. С. 80–85.
19. Худойкина Т. В., Ситкина А. Д. Перспективы развития медиации в связи с введением института судебных примирителей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 5-4 (56). С. 188–192. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-4-188-192>
20. Градский В. Е. Прокурор как участник медиативных процедур в уголовном процессе Французской Республики // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : сб. науч. тр. Екатеринбург : Уральск. юрид. ин-т МВД России, 2021. Вып. 6. С. 28–31.
21. Понасюк А. М. Содействие адвокатом примирению сторон уголовного судопроизводства в качестве посредника (медиатора) // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 3 (18). С. 27–32.
22. Лукьянчикова Е. Ф., Криволапов Д. М. Участие адвоката в процедуре медиации // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 3-3. С. 140–144.

23. Калентьева Т. А. К вопросу о процедуре медиации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 1. С. 69–76.
24. Валеев А. Т. Медиация в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: направление совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 4 (28). С. 47–51.
25. Садовникова М. Н., Анищенко А. С. Требования, предъявляемые к медиатору: современные подходы и тенденции развития института // Сибирский юридический вестник. 2019. № 4 (87). С. 114–118.
26. Факурдинова А. Г. К вопросу о квазисудебных элементах современной медиации // Государственно-правовые исследования. 2022. № 5. С. 244–248. DOI: <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2022-5-244-248>
27. Лукьянчикова Е. Ф. Медиация в уголовном судопроизводстве // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 6-7. С. 104–109.

References

1. Nestor N. V. The Concept, Principles and Forms of Restorative Justice. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskije Nauki*. 2012;4:28–32. (In Russ.)
2. Galimova M. A., Astakhova A. On the Content of the Institute of Restorative Justice. In: *Current Issues of Combating Crime: Theory and Practice. Pt. I*. Krasnoyarsk, 2022. P. 164–167. (In Russ.)
3. Van Ness D. W., Heetderks Strong K. *Restoring Justice: An Introduction to Restorative Justice*. 4th ed. New Province, N. Y.: Matthew Bender & Co., Inc; 2010. 259 p.
4. Aertsen I. *Rebuilding Community Connections – Mediation and Restorative Justice in Europe*. Kyiv: Zakharenko Publ.; 2008. 183 p. (In Russ.)
5. Konin V. V. The Mediation in Celerity Criminal Procedure. *Scientific Notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2010;3:1:268-270. (In Russ.)
6. Paholkin N. S., Smolkova I. V. Concept of Restorative Justice in Criminal Procedure. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2012;3:131-135. (In Russ.)
7. Zabuga E. E. Supranational Regulation of Mediation in Criminal Procedure. *Legal Science and Law Enforcement Practice*. 2012;3:80-84. (In Russ.)
8. Nosyreva E. I. *Alternative Dispute Resolution in the USA*. Moscow: Gorodets Publ.; 2005. 320 p. (In Russ.)
9. Golovko L. V. Alternatives to Criminal Prosecution: European Practice and the Russian Criminal Procedure Context. *Bulletin of Restorative Justice*. 2003;5:11-12. (In Russ.)
10. Tcheprasova Ju. V., Saturina N. A. Problems and Prospects of Implementation of the Mediation in Criminal Proceedings (on the Example of Lipetsk Region). *Economic Problems and Legal Practice*. 2017;6:231-235. (In Russ.)
11. Yakovleva L. V., Yakovlev V. V. The Possibility of Application of Mediation on Criminal Cases. *Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2018;4:97-101. (In Russ.)
12. Kurilko A. A., Andreeva M. M. Current Issues of Conciliation of the Parties in Criminal Law. In: *Current Issues of Jurisprudence*. Pskov: Pskov State University Publ.; 2020. P. 100–110. (In Russ.)
13. Matkina D. V., Gus'kova A. P. Mediation in Criminal Procedure. *Russian Judge*. 2009;2:34-37. (In Russ.)
14. Smirnov A. V. *Adversarial Proceedings*. St. Petersburg: Al'fa Publ.; 2001. 320 p. (In Russ.)
15. Semenyako M. E. On Topicality of Procedures of Alternative Settlement of Disputes in the Court. *Russian Judge*. 2009;7:24-27. (In Russ.)
16. Savchenko A. N., Ureneva O. V. Mediation in Criminal Trial. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015;25:131-135. (In Russ.)
17. Arutyunyan A. A. *Mediation in Criminal Procedure*. Moscow: Infotropik Media Publ.; 2013. 200 p. (In Russ.)
18. Galygina E. S. To the Question About Possibilities of Application of the Mediation's Institute in the Criminal Proceedings of Russia. *Scientific Notes of the Tambov Branch of the RUYS*. 2020;18:80-85. (In Russ.)
19. Hudoykina T. V., Sitkina A. D. Prospects for the Development of Mediation in Connection with the Introduction of the Institute of Juridical Conciliation. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;5-4:188-192. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-5-4-188-192> (In Russ.)
20. Gradsky V. E. The Prosecutor as a Participant of Mediation Procedures in the Criminal Process of the French Republic. In: *Trends in Modern Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation. Iss. 6*. Yekaterinburg: Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia Publ.; 2021. P. 28–31. (In Russ.)
21. Ponasyuk A. M. Furtherance by Attorney-at-Law in the Quality of Mediator to Reconciliation of the Parties in Criminal Proceedings. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2010;3:27-32. (In Russ.)
22. Luk'yanchikova E. F., Krivolapov D. M. Participation of a Lawyer in the Mediation Procedure. *Theoretical and Applied Aspects of Modern Science*. 2014;3-3:140-144. (In Russ.)
23. Kalentieva T. A. To the Question About the Mediation Procedure. *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2017;2(1):69-76. (In Russ.)

24. Valeev A. T. Mediation in the Russian Criminal Proceedings: Directions of Improving Russian Criminal Procedure Law. *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 2014;4:47-51. (In Russ.)
25. Sadovnikova M. N., Anishchenko A. S. The Requirements for Mediator: Some Problems of the Legal Regulation in Russian Federation and Modern International Approach. *Siberian Law Herald*. 2019;4:114-118. (In Russ.)
26. Fakurdinova A. G. On the Issue of Quasi-Judicial Elements of Modern Mediation. *State Legal Research*. 2022;5:244-248. DOI: <https://doi.org/10.20310/2658-5383-2022-5-244-248> (In Russ.)
27. Luk'yanchikova E. F. Mediation in Criminal Proceedings. *Modern Trends in Science and Technology*. 2015;6-7:104-109. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лев Сергеевич Галенников, адвокат Адвокатской палаты Омской области (ул. Лермонтова, 127/1, офис 3, Омск, 644001, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-3603-7337>; e-mail: 063lev@mail.ru;

Юрий Владимирович Деришев, профессор кафедры уголовного права и процесса Сибирского юридического университета (ул. Короленко, 12, Омск, 644010, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7415-3961>; e-mail: derishev.omsk@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lev S. Galennikov, Attorney of the Bar of Omsk Region (127 Lermontov str., office 3, Omsk, 644001, Russian Federation); ORCID: <http://orcid.org/0009-0001-3603-7337>; e-mail: 063lev@mail.ru;

Yuri V. Derishev, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Siberian Law University (12 Korolenko str., Omsk, 644010, Russian Federation), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7415-3961>; e-mail: derishev.omsk@mail.ru

Поступила | Received
09.04.2024

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
29.05.2024

Принята к публикации | Accepted
29.05.2024